

© 1998 г. И.А. МАЛЫШЕВА

# ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XVIII ВЕКА

Исследование лексики русского языка XVIII века, источниками изучения которой являются преимущественно печатные источники, настоятельно требует расширения текстовой исследовательской базы. Огромные рукописные фонды XVIII столетия до сих пор в полной мере не востребованы. В воссоздании более точной и объективной картины состояния русского языка XVIII века, в том числе и его лексического состава, не последнюю роль должны сыграть памятники деловой письменности, созданные не только в центральных учреждениях, но и в периферийных.

Введение в научный оборот нового памятника должно обосновываться его источниковедческим анализом, задачей которого является дать полное и доказательное представление о картине отображенных в памятнике лингвистических фактов. Без источниковедческой разработки само использование текста и трактовка его материала может быть не только необоснованной, но и ошибочной. В связи с этим крайне важна роль такой научной дисциплины как лингвистическое источниковедение.

Одним из интереснейших, насыщенных лексическим материалом источников являются документы внутренних таможен первой половины XVIII в.<sup>1</sup> Внимание лингвистов к этим памятникам было привлечено работой С.И. Коткова [Котков 1972]. Несмотря на свою очевидную лингвистическую ценность, лишь некоторые таможенные книги XVIII в. использовались исследователями фрагментарно среди источников других типов [Борисова 1978], абсолютное же большинство источников исследователям неизвестно.

Источниковедческий анализ таможенных документов XVIII в. необходим прежде всего потому, что они должны занять достойное место в ряду источников изучения лексики русского языка XVIII столетия. Богатейший лексический фонд, содержащийся в них, должен обязательно стать объектом лексикологических наблюдений. Однако материал этот сложен для интерпретации, и анализ его должен опираться на учет многих факторов, влиявших на языковую картину, зафиксированную в памятниках этого типа.

Методика источниковедческого анализа письменного источника в каждом конкретном случае должна определяться особенностями самого текста, его хронологическими, локальными, жанровыми характеристиками, связью с другими источниками и др. В частности, специфика таможенных документов, особенности обслуживавшейся ими сферы общественной жизни требует внимания ко многим сторонам создания и функционирования памятников данного типа.

Одна из первых источниковедческих задач – определение принципов

<sup>1</sup> Документы внутренних таможен первой половины XVIII в. сосредоточены в основном в двух архивах: в Российском государственном архиве древних актов в фонде Камер-коллегии (ф. 273) и в фонде Таможен и кружечных дворов (ф. 829), а также в фондах отдельных таможен (фф. 1361, 1362, 1418, 1419, 1422, 1427 и др.) и в Архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории (фф. 10, 134, к. 115 и др.). Часть документов находится в местных хранилищах, например, в Государственном архиве Архангельской области (фф. 1546, 1547 и др.) и Государственном архиве Астраханской области (фф. 394, 681) (см. [Юхт 1990: 140]).

отбора источников. От того, насколько полно будут представлены разные виды и типы памятников, какие территории они будут охватывать, каковы будут хронологические рамки анализируемого материала, зависит в конечном итоге достоверность лингвистических выводов. Принципы отбора материала должны определяться теми задачами, которые ставит исследователь, и особенностями самих источников.

Материалы таможенного делопроизводства XVIII в. представляют практически всю территорию России того времени, однако весьма неравномерно (см. [Малышева 1997: 28–36]), в связи с этим необходимо, с одной стороны, отобрать источники из сохранившихся в большом количестве от той или иной таможни, с другой – учесть по возможности как можно больше единичных экземпляров, связанных с разными территориями. Кроме того, важно включить в исследование как материалы крупных таможен, имевших давнюю собственную традицию ведения документов, пропускавших значительный торговый поток и потому наиболее насыщенных лексическим материалом, так и материалы уездных и волостных таможен, небольших торжков, ярмарок, обслуживавших преимущественно местных жителей с товарами их изделия и промысла и подчиненных администрациям ведущих таможен.

По своим видам и типам таможенные материалы представляют собой неоднородную группу, поэтому крайне важным является как можно более полное отражение всех сохранившихся и установленных видов документов: книг, выписей, ярлыков, росписных списков, каждый из которых составлялся по определенной форме, выступал в разных типах и выполнял свою роль в общем документном потоке.

Не менее важно, чтобы отобранные источники были наиболее интересны именно в лингвистическом отношении. В частности, не все таможенные книги имеют равноценную лингвистическую содержательность. Книги расходные, весовые, хлебных торгов и некоторые другие содержат достаточно однообразный материал; книги же явчие, отпускные, торговых записок являются ценнейшим источником для исторической лексикологии.

Общие принципы отбора источников применительно к материалам таможенного делопроизводства XVIII в. приобретают целый ряд специфических черт, связанных как с особенностями того периода, к которому они относятся, так и с характером самого таможенного делопроизводства.

Внутренние таможни действовали до середины столетия, последние документы относятся к середине 50-х годов. В 20-е годы произошла смена приказного делопроизводства коллегиальным, что не могло пройти незаметно и не проявиться в той или иной степени в ведении таможенных дел. К исследованию необходимо привлечь источники, отражающие оба периода таможенного делопроизводства XVIII в.: документы первых двух десятилетий, созданные в соответствии с длительной приказной традицией, и документы более позднего времени, создававшиеся, с одной стороны, по новым требованиям, с другой – вольно или невольно сохранявшие черты старого делопроизводства.

Специфика ведения таможенных дел предусматривала многократную регистрацию одних и тех же товаров: явка, досмотр, отпуск, дача выписи и т.д. В крупных таможнях, через которые шел большой торговый поток, разные операции регистрировались в книгах разных типов (явчих, отпускных, торговых записок и др.), и, таким образом, в таможне одновременно велось несколько книг (иногда более десятка), которые представляют собой единый комплекс документов, объединенных не только временем и местом создания, но и взаимозависимыми записями. Составляющие такого комплекса могут находиться не только в разных фондах одного архива, но и в разных архивах, и перед исследователем возникает сложная задача их обнаружения. Очень важно при отборе источников выявить все возможные взаимозависимые документы не только одной, но и разных таможен.

Одним из важных является вопрос о самостоятельности, отдельности документа. Таможенная книга как архивная единица хранения и как вид таможенного документа –

понятия неравноценные. В крупных таможах, через которые проходил большой торговый поток, велось по несколько книг одного типа (**явчая** первая, вторая, третья; **отпускная** первая, вторая . ), то есть в широком смысле можно говорить об одной книге в нескольких частях. В таможнях с меньшим торговым потоком книга каждого вида сбора была небольшой по объему, и в конце года книги всех видов таможенных сборов переплетались в один том, иногда в него включались книги уездных и волостных таможен, к таможенным книгам присоединялись кабацкие и книги канцелярских сборов, образуя единый том. Иногда книги, определяемые в архивной описи как самостоятельные документы, являются частями одной рассыпавшейся книги. Все это приводит к необходимости тщательной архивной работы при изучении памятников делового письма, чтобы с полной достоверностью можно было определить, является исследуемый документ самостоятельным или представляет собой часть (или фрагмент) документа, связан ли он с другими документами с той же локальной и хронологической отнесенностью.

Название **таможенная книга** может обозначать и собственно книгу, и ее часть, и совокупность нескольких книг, объединенных в один том. Книги сложного состава могут представлять собой том, содержащий документы нескольких таможен, находящихся в ведении одного бурмистра. Тот или иной способ ведения книг определялся во многом традициями каждой таможни. Так, за 1722 и 1723 гг. сохранились два тома сольвычегодской таможни, содержащих соответственно 14 и 17 книг разных таможенных сборов, кроме книг "городовых" в составе этого тома находятся книги лальской и ношувльской таможен. Такое же соединение сольвычегодских книг в один том с книгами волостных таможен отмечается и для XVII в. [Макаров 1997: 193–194].

При исследовании памятников делового письма возникает настоятельная необходимость изучения характера того делопроизводства, сферу которого представляет данный текст. Недостаточное представление о том, какую цель преследовало появление того или иного документа, кто участвовал в его создании, каковы были функции документа, как он связан с другими документами, какой путь он проходил, кто и в связи с чем мог его изменить или дополнить и т.п., не даст возможности в полной мере оценить не только тип самого документа, место его среди других документов этой же сферы, но и, главное, его лингвистическую значимость.

Система сбора внутренних таможенных пошлин первой четверти XVIII в. почти полностью основывалась на сложившейся таможенной системе предыдущего столетия. Главными законодательными документами, регулировавшими торговлю и сбор пошлин со второй половины XVII в., были Уставная грамота 1653 г. и Новоторговый устав 1667 г. В конце XVII и в первой четверти XVIII в. основные положения Новоторгового устава 1667 г. уточнялись и дополнялись целым рядом указов, которые были направлены на регулирование торговых потоков и упорядочивание торговли в отдельных городах. Значительное число постановлений правительства касалось запрещения или ограничения по разным причинам (ведение военных действий, стремление укрепить российский рынок и др.) торговли теми или иными товарами. Действие подобных указов находит самое непосредственное отражение в содержании таможенных записей.

В таможенную службу в XVIII в. выбирались, как правило, местные жители, что имеет существенное значение при лингвистическом анализе источников. Причем, на протяжении первой четверти века практика посылки торговых людей на таможенную службу в другие города постепенно себя изживает. Так, в архангельской таможне в 1719 г. обязанности целовальников исполняли горожане (жители Архангельска) холмогорцы, мезенцы, устюжане, верховажане, усольцы, кеврольцы, важане, в 1720 г. целовальниками служили горожане, холмогорцы, усольцы и устюжане, в книгах 1725–1726 гг. в должности целовальников называются исключительно горожане и холмогорцы.

Не менее важно и то обстоятельство, что одни и те же люди могли избираться повторно на следующий год и через несколько лет. Это значит, что традиция ведения

дел в той или иной таможене не претерпевала существенных изменений и, как показал анализ материала, следование образцам предыдущих лет в таможах было привычным и стабильным.

Наиболее важным моментом в источниковедческом исследовании является вопрос о писцах. Анализ обязанностей должностных лиц, исполнявших в таможене писцовую работу позволяет говорить о том, что непосредственными создателями таможенных документов были **писчики** (в московских книгах конца 30-х гг. отмечается слово **писец**) **Подьячие** разных рангов (старшие и средние, о чем можно судить по названиям их подписей – **смотря**, **справа**), которые после введения коллегиального делопроизводства стали называться **канцеляристами** и **подканцеляристами**, в первую очередь осуществляли контроль за ведением таможенных документов сверяли явленные и выдаваемые выписи с записями в книгах, подписывали выписи, проверяли оборотные выписи, на которых подписывалась уплата пошлин и т. п. Сравнение почерков их подписей и помет (*справил читал, с выписью чел и под*) с почерками записей в книгах говорит о том, что они не были прямыми исполнителями писцовой работы. Помимо проверки записей в книгах, обязанностью подьячих, вероятно, было составление беловых отчетных книг.

Таможенная документная система складывалась в результате тех действий, операций, которые производила таможня, контролируя торговый поток с целью сбора пошлин. Документы внутреннего таможенного делопроизводства возникали в результате непосредственных контактов таможенной администрации и торговых людей и являлись удостоверением регистрации факта торговой операции и уплаты надлежащих пошлин. Основная функция этих документов – регистрационная и отчетная.

Виды и типы таможенных документов, их состав, структура определялись теми операциями, которые проходил товар: явка привезенного товара, отпуск товара в другой город, явка денег, на которые предполагается купить товар, покупка или продажа товара, отъезд непроданного товара в следующий год и др.

Документы внутренних таможен первой половины XVIII в. представлены несколькими видами: **книжки**, **выписи**, **ярлыки**, **росписные списки**. Ведение таможенных документов регламентировалось целым рядом указов.

Основными таможенными документами были **книжки**, которые велись в таможене ежедневно. В зависимости от характера регистрируемой таможенной операции книжки могли быть разных типов. Названия самих книг и ссылки в них на другие книги говорят о следующих типах: **явчие** (явочные), **выписные**, **торговые** (торговых записок), **ярлычные**, **явленных денег**, **ярмарочные**, **отметочные**, **отъявочные** (остальных товаров, переносные), **оборотные** (записи оборотных выписей), **"проданные"** (записи продаж), **покупные**, **проезжие**, **весовые** (важенные), **расходные**, **мелочного сбора**. Книга каждого типа регистрировала определенный вид таможенной операции. Количество книг и их типы зависели от объема торгового потока, проходившего через таможню.

Таможенные **выписи** являлись важным таможенным документом, который по сути представлял собой извлечение из таможенной книги, полностью или частично повторяя записанную в ней статью. Выписи свидетельствовали о регистрации товара, давали право на его вывоз, подтверждали уплату пошлин. Выписи, как и книги, могли быть разных типов в зависимости от того, какого характера "розделка" ею подтверждалась. В таможенных книгах называются следующие типы выписей: **зачетная**, **заявочная** (заявчая), **оборотная** (оборотная платежная, оборотная явчая), **отпускная**, **отъявочная** (отъявчая, отъявчая переносная), **платежная**, **явочная** (явчая). Одна и та же выпись могла называться по-разному в зависимости от ее функции, назначения, отношения к данной таможне: **отпускная** – **явчая**, **платежная** – **оборотная** и под.

**Ярлык** как обязательный документ, выдававшийся торговцам, последовательно упоминается преимущественно в книгах архангельской таможни. Ярлыки давали право на вывоз товара из города, на перемещение товара внутри города, служили пропуском для провоза товара через таможенные заставы. Ярлык также называется **пропускным**.

**ярлыком, пропускным письмом, отпускным ярлыком, пропуском, пропускной.** Вероятно, так в XVIII в. назывался тот документ, что по книгам XVII в. известен как **проезжая грамота, или проезжая выпись** [Мерзон 1957: 24; Иванов 1979: 133].

При смене таможенной администрации составлялись **росписные списки**. Они являлись обязательным свидетельством передачи всего имущества таможи от одного бурмистра по истечении срока его полномочий другому и представляют собой перечни всего имущества, находящегося не только в самой таможене, но и в торговых палатах, важнях, таможенных избах на заставах: иконы, мебель, различная утварь, весы, гири, мерная посуда, печати, ящики и коробка с документами и др. Росписных списков обнаружено немного, относятся они преимущественно к 30–40-м гг.

Следующим этапом при исследовании текстов делового характера должно быть изучение самой процедуры их создания, выявление особенностей их ведения и функционирования, что находило непосредственное отражение не только в форме документа, но и в его лексическом наполнении. Необходимо учитывать, кто участвовал в создании документа, какова их роль, какие стадии проходило создание текста, писался он под диктовку или списывался, является ли текст оригинальным, или следовал образцу, представляет ли сохранившийся материал самостоятельный текст или это только его фрагмент и т. п. Важно установить, насколько это возможно, непосредственных исполнителей писцовой работы.

Важным является вопрос о черновом или беловом (отчетном) характере рукописи. Анализ таможенных книг XVIII в. позволяет говорить о более сложном характере их рукописей, чем только черновая книга – беловая, как это отмечается для книг XVII в [Базилевич 1936: 79–80; Митяев 1948: 289–290; Мерзон 1957: 21–24; 1958: 88]. В отношении книг XVIII в. можно говорить о **черновых записях досмотров и торгов; о рабочих (черновых) вариантах книг**, которые составлялись на основе черновики досмотров и торгов и в свою очередь служили для создания беловых отчетных экземпляров; о **рабочих книгах**, которые велись аккуратно, в полном соответствии с требованиями и могли предъявляться как отчетные; о **беловых экземплярах книг**, которые составлялись для отчета на основе черновых книг и отправлялись для проверки в центральные канцелярии; о **списках с таможенных книг**, которые представляли собой копии беловых экземпляров, остававшиеся в таможене. Каждый из этих вариантов книг определяется на основании ряда критериев: количество почерков и их вид, характер расположения записи на листе, наличие или отсутствие помет, характеризующих процесс ведения книг, наличие или отсутствие собственноручных подписей торговцев и их поручителей, незаполненные листы в черновых книгах и др.

Наличие рабочих (черновых) и беловых вариантов таможенных книг, относящихся к первой четверти XVIII в., – важный момент в источниковедческой характеристике этого типа памятников. Среди сохранившихся книг достаточное число составляют книги черновые, представляющие наибольший интерес для лингвистов. Рабочие черновые экземпляры отличаются большей свободой письма, что проявляется в общей небрежности записей; в их ведении, судя по почеркам, принимали участие менее искусные писцы, в записях которых в значительной степени отражаются черты живого языка, черновые книги, как правило, написаны несколькими писцами, что дает возможность сопоставлять языковые особенности писавших; наличие помет разного рода позволяет наблюдать процесс ведения книги. Беловые книги и списки с книг, хотя и несут отпечаток определенной обработки, в значительной степени следуют черновикам и являются не менее интересными источниками.

Изменение характера книг (в частности, появление рабочих экземпляров, выполнявших и роль отчетных документов) связано с организацией коллегиального делопроизводства, с упорядочиванием ведения дел, с появлением специальных отчетных ведомостей и др. Существует и определенная зависимость между рабочим (не черновым) характером книги и ее типом: как правило, это книги приходные, отъясные и отпускные, которые составлялись на основе записей в других книгах или выписей, поэтому запись в них как сделанная с определенного образца могла быть без

помарок и дополнительных вписываний. Подобный вариант книг отмечается с середины 20-х гг.

Одним из важных при изучении рукописного текста является вопрос о непосредственном исполнителе писцовой работы. Полную картину о лицах, исполнявших в таможенных писчую работу, по таможенным материалам составить непросто. Записи в абсолютном большинстве случаев анонимны. Прямые указания на исполнение писчей работы в таможенных книгах единичны. Определенную возможность установить, кем записаны те или иные статьи в книге, дают рукоприкладства, поскольку писцы, расписываясь за целовальников или торговцев и их поручителей, как правило, называли свою должность. Идентификация почерков книжных статей и подписей позволила установить ряд писцов некоторых таможен. Указание в рукоприкладствах на место жительства писца и анализ языковых черт дают возможность с полной уверенностью говорить о том, что писцами в таможенных были исключительно местные жители.

Вопрос о писцах связан прежде всего с решением проблемы, отражение чьей речи можно видеть в записях таможенных документов целовальника, производившего досмотр и диктовавшего писцу, торговца, перечислявшего, что именно он привез (случаи отражения прямой диктовки говорят о возможности передачи и его речи); того, кто непосредственно исполнял писчую работу в данной таможне или писца той таможни, откуда привезена переносимая в книгу выписи?

Наибольший интерес представляют случаи, когда одни и те же товары одного торговца регистрируются в книгах разных таможен по одной и той же выписи. Такие случаи могут помочь в ответе на вопрос, что сильнее проявляется в записи данные предъявленной выписи, с которой делалась запись в книге, или особенности речи писца, делавшего эту запись. Каждый из таких случаев должен анализироваться отдельно, поскольку единой закономерности не обнаруживается. Таможенные материалы содержат немало фактов, когда писец четко следовал предъявленной выписи, и в записях московской таможни, например, появляются севернорусские слова *ровдуга*, *моржина*, *зверь* "единица счета шкур" и др. С другой стороны, писцы не были механическими исполнителями писцовой работы, в записях в определенной мере проявляется воля писца, его стремление к более точному и правильному, с его точки зрения, изложению необходимых сведений: писец может заменить диалектное или просторечное слово, сопроводить его общерусским эквивалентом, использовать синонимические замены и др. Вероятно, одной из задач таможенных писцов было стараться не допускать появления в книгах слов местных, если есть общерусское соответствие, чтобы в проверяющих инстанциях не возникло затруднений. В книгах болховской таможни 1725 г., например, среди товаров часто называется *волна* "овечья шерсть", при отпуске этого товара в Москву писец последовательно сопровождает это слово пояснением – *волны овечьей шерсти*.

Интересны случаи, показывающие столкновение речевых особенностей писца и привезенной в таможню выписи из другого города. Житель Галича явил на Важской Благовещенской ярмарке *трои черевики*, запись в ярмарочной книге делалась по выписи, и писец повторил написанное в предъявленном документе, однако он же, записывая проданное на ярмарке, написал *трои чарки*, употребив хорошо знакомое ему слово; в книге этой же ярмарки также в явке галичанина по галицкой выписи названы *сто восемьдесят телатинь и жеребятин красных*, записывая продажу, писец пишет *сто восемьдесят телатинь и жеребков красных*; в архангельской книге по выписи вятской таможни написано явил (. . .) *десять клещей хомутных конских*, в записи досмотра этого товара появляются *десятеры дерева конские деревянные*.

Наиболее заметно проявляется роль писца в параллельных текстах – списках, содержащих перечни одних и тех же товаров и создававшихся последовательно один на основе другого при прохождении одним товаром нескольких таможенных процедур (явка, досмотр, отпуск, дача выписи, продажа и т.д.).

Наличие параллельных текстов – одна из важнейших источниковедческих оценок таможенных материалов. Памятники делового письма в силу специфики своего создания и функционирования, как правило, существуют в одном экземпляре. Исследователи текстов делового характера не раз высказывали различные предложения по поиску новых методов их изучения ("Желательно {...}, чтобы был найден своего рода текстологический подход к исследованию еще одной основной группы источников – актового материала" [Алексеев 1988. 208]), предлагая сравнительно-историческое изучение текстов, "соприкасающихся между собой элементами содержания (в широком смысле этого слова)" [Дерягин 1976. 5], оценивая отдельные документы одного разряда приказной письменности как списки или копии одного архетипа [Алексеев 1988. 208]. Наличие взаимосвязанных текстов в таможенных документах позволяет применить методы текстологического анализа не просто к памятникам, "соприкасающимся элементами содержания", но являющимся списками (копиями) одного и того же текста.

Обнаруживаются параллельные тексты прежде всего в комплексах документов одной таможни. Возникали они чаще в том случае, когда торговец вел крупное дело и неоднократно в течение года обращался в таможню. В отдельных книгах одного года отмечается до двух десятков текстов, связанных с именем одного купца.

Параллельные тексты могут содержаться как в книгах разных типов, регистрировавших таможенные операции, так и в одной книге, содержащей, например, запись явки и досмотра товара, явки и отпуска товара и под. На обороте таможенной выписи в случае продажи всего товара или его части делалась запись об "упродаже", и таким образом также возникали параллельные тексты. В книгах и в выписях разных таможен, находившихся на пути следования купца, также могут обнаруживаться списки одних и тех же товаров одного торговца.

Параллельные тексты представляют собой и росписные списки одной и той же таможни за разные годы. Имущество таможни на протяжении длительного времени, как правило, существенно не обновлялось, и росписные списки из года в год перечисляют те же строения и ту же утварь. Сохранились, например, четыре росписных списка усть-сысольской таможни 40-х гг., однако эти четыре списка представлены шестью параллельными текстами, поскольку за 1741 и 1742 гг. списки сохранились в двух экземплярах (от лица прежней и новой администрации).

Ценность и важность параллельных текстов подчеркивается тем, что они могут быть сделаны одним писцом или разными, составляться данным писцом или переписываться с черновика досмотра, принадлежавшего другому писцу, или с выписи, написанной в таможене другого города, и т.д. Анализ параллельных текстов позволяет установить степень зависимости пишущего от образца, написанного другим человеком, проследить процесс создания записи в таможенной книге, определить степень участия тех, кто присутствовал при оформлении таможенной операции – словом, определить зависимость лексического состава источника от целого ряда обстоятельств, сопровождавших его создание.

Параллельные тексты могут быть абсолютно идентичны, совпадая и в последовательности перечисленных товаров, и в использовании лексических средств (есть немало таких списков, принадлежащих в том числе и разным писцам). Однако значительно чаще параллельные тексты содержат разночтения различного характера (в том числе и случаи лексической мены), что повышает их лингвистическую ценность. *восмьдесятт обуви с опушнями больших и малых – восмьдесятт обуви больших и малых, четыре фунта бумаги синей – четыре фунта бумаги шити синей, пять дюжин зеркал малых и средних – 5 дюжинъ зеркалъ в кожаных рамках средней и малой руки, десять гиновъ шелку китайского – 10 гинов в них по 4 мотка шелку китайского сканого разных цветов, тысяча столбцов чесноку плетеного среднего – 1000 батмановъ чесноку среднего, сорок шесть ансыреи шелку – 46 фунтов шелку, четыре шубы овечьих – 4 кафтана шубных, сто пар рукавиц варег овечьих – 100 пар вязаницъ овечьих, восмнатцать наметокъ бумажных – 18 фатъ бумажных, один свя-*

Специфика таможенных документов дает исследователям возможность сравнивать, сопоставлять не только документы одного типа, выполненные по одному образцу в разных местах и разными людьми, но прежде всего документы, связанные общностью последовательного происхождения, имеющие один источник и являющиеся по существу копиями одного и того же текста, созданными одним или разными писцами

В связи с этим важно подчеркнуть ценность таможенных выписей. В качестве лингвистического источника они интересны с разных точек зрения: с одной стороны, выписи – самостоятельный вид документа, который может быть использован как отдельный независимый источник с другой стороны выпись связана с таможенной книгой и своим появлением, и ролью в создании самой книжной статьи. В последнем случае важность исследования выписей возрастает: они представляют ценный материал для сопоставления их данных с фактами таможенных статей, созданных на их основе

Необходимым этапом источниковедческого анализа памятников делового характера является изучение формы документа. Такие тексты создавались по определенным нормам, шаблонам, следовали сложившимся образцам, и перед исследователем возникает задача рассмотреть этот образец, изучить форму документа, используя методы, разработанные дипломатикой.

Таможенные документы (в первую очередь книги) фиксировали различные операции, каждая из которых регистрировалась по определенному образцу. С этим связано разнообразие типов самих документов и особенности их формуляра.

Исследование структуры документа, его формуляра, типов составляющих его обязательных формул позволяет, во-первых, более четко представить специфику данного типа документов, установить закреплённость определенных лексических, фразеологических, синтаксических средств за теми или иными формулами и, в целом, структурными частями текста, во-вторых, обнаружить проявления живого разговорного языка как в формулярной части документа, так и в содержательной.

Анализ структуры и формуляра говорит о том, что таможенные документы независимо от их типа всегда имеют четкую структуру (начальный протокол, содержательная часть, конечный протокол), которая строго соблюдалась. Каждая структурная часть включала набор обязательных формул: начальный протокол содержал необходимые сведения о хозяине товара, формулы-характеристики товара по способу его изготовления или приобретения, формулу назначения товара и т.п.; содержательная часть представляла собой перечень явленных товаров, конечный протокол составляли формулы поруки, обязательства подачи выписи и др.) Формулярные составляющие следовали в достаточно строгой последовательности, четко организуя структуру документа.

Материалы таможенного делопроизводства имели длительную, со своими сложившимися особенностями традицию их ведения, которая имела общерусскую основу, но нередко следовала привычкам, правилам, установившимся в той или иной таможне. Общая традиция их ведения укреплялась ежедневной практикой.

Однако специфика таможенных документов заключается в том, что в традиционную рамку каждый раз включалось новое содержание: каждый список товаров оригинален – названия предметов местных промыслов, вещей повседневного обихода, иноземных новинок (последнее для первой половины века особенно актуально: большое количество новых товаров). Постоянная новизна (с известной долей относительности) записей "размывала" шаблоны, сложившиеся в сознании писца, пробуждала его языковое чувство, провоцируя его на более живое отражение языка. Четко следуя общей структуре таможенной статьи, писец более свободно обращается с обязательными формулами. При всей кажущейся стабильности таможенных записей устойчивость формулярных элементов в них зачастую относительна, и нередко они весьма существенно варьируются, что проявляется и в выборе лексических средств, и в



синтаксической структуре формулы: *товар домашной ево работы, собственного домашнего их приуготовление, домовного своего приуготовление, домовней своей работы, домашнего иждивения, домашнего издѣлья; а против выписи поставить ему явчую или платежную выпис, и против сего отпуску положит платежная или явчая выпис; а в поставке платежной выписи порукою по нем, и порукою по нем в поставке на показанной срокъ выписи и в платеже пошлин, а гдѣ продать в поставке платежной выписи порука; по сей статьи ливенские таможи платежная выпись принята, по сему отпуску платежную выпись поставил, против сего отпуску платежную выпис подал (положил); у сей выписи болховские таможи сентябрьская печать, у сей выписи болховския таможи мѣсяца марта печать, при сей выписи пустоозерская таможенная печать приложена и др.*

Формуляр таможенных документов может стать объектом специального лингвистического исследования. Разнообразие формулярных составляющих таможенной статьи, варьирование языковых средств, использованных в них, дает возможность исследовать функционирование делового языка в еще одной делопроизводственной сфере, установить меру его стабильности и степень зависимости от живого языкового употребления. Кроме того, начальный и конечный протоколы таможенных документов содержат разнообразную лексику административно-делового характера, которая также нуждается в обстоятельном исследовании.

Заключительный и основной этап источниковедческой разработки предполагает определение зависимости лингвистической содержательности текста от всех выявленных обстоятельств его создания и функционирования. Анализ лингвистического материала памятника должен опираться на результаты всех предыдущих этапов изучения текста. В лексической картине источника находят отражение характер и особенности делопроизводства, в сферу которого входит данный текст, вид и тип памятника, место создания документа, отношение данного текста к другим документам этой же делопроизводственной сферы и их взаимозависимость и т.д.

Главным хранилищем всего лексического богатства таможенных материалов является содержательная (основная) часть книжной статьи или выписи, представляющая собой перечни разнообразных товаров. Многообразие лексического материала связано не только с названиями самих товаров, но и с тем, что каждый из них сопровождается подробными характеристиками, касающимися цвета, размера, качества, материала, из которого изготовлен, и т.п.: *два зипуна сермяжных бѣлых простых, тридцать три чашки з блюдами и с крышками ценных с золотыми травами чайных, пятьсот ножей в ножнях в сваловом черене с медной рѣзной и финифтяной оправой разных рукъ, сто чарковъ средних и подсердных и маля.*

Устойчивость, следование образцам и традиции проявляются не только в наборе определенных формул в начальном и конечном протоколах, но и в строении содержательной части таможенной статьи. Можно считать, что каждый фрагмент содержательной части (название и характеристики отдельного товара) также представляет собой формулу – формулу названия товара. Об этом позволяет говорить известная стабильность, которая проявляется и в синтаксической структуре (характеристики товаров, как правило, располагаются в определенном порядке), и в наборе лексических средств (достаточно устойчивы названия общераспространенных товаров; характеристики качества, размера товаров отражают во многом сложившуюся торговую терминологию).

Определенную организацию имеет и вся содержательная часть статьи: если список пространен и включает разные товары, то они, как правило, группируются по типам (например, ткани, украшения, головные уборы, изделия из металла, пряности и т.д.). Это становится особенно важным, если встречается слово с неизвестным или неясным значением: положение его в определенной части списка товаров уже позволяет отнести его к какой-либо тематической группе.

Лексический состав таможенных книг обусловлен различными обстоятельствами: характером промыслов на данной территории, объемом торгового потока, проходившего через данную таможню, территориальным расположением таможни, типом книги и др.

Устюжские, сольвычегодские книги содержат, например, разнообразные названия кож, обуви и ее деталей, поскольку Устюг Великий и Соль Вычегодская были поставщиками обуви на российский рынок; выделка кож была одним из главных занятий жителей южных губерний России, и в частности, болховские книги содержат многочисленный и разнообразный материал для изучения лексики кожевенного промысла; архангельские книги отражают особенности северного быта и рынка (названия морских животных, рыбы, пушных зверей, морских и речных судов, лексика веревочного промысла и др.).

Как уже сказано выше, писцы стремились избегать слов местных, однако это не всегда удавалось, и в таможенных книгах содержится значительный материал для изучения локально ограниченной лексики. Вероятность обнаружения регионального слова более высока при изучении материалов небольших уездных или волостных таможен: в их книгах регистрировались товары преимущественно местного изготовления, и писцы записывали их местные названия. Такие слова, как *верхница* "верхняя женская одежда", *ровдуженки* "рукавицы из оленьей замши", *матура* "домашнее сукно", *сукник* "выходное платье из сукна" отмечены, например, только в книге Пустозерского острога 1711 г. В книгах небольших таможен встретились, например, названия денежных единиц, не отмеченные в документах других таможен: *мордка*, *полумордка* "мелкие денежные единицы, равные соответственно 1/4 и 1/8 деньги" (сольвычегодская и лальская таможни) и *пирог*, *полупирог* в тех же значениях в мезенской книге; в таких книгах чаще встречаются архаичные или местные названия метрологических единиц (*локоть* при повсеместном *аршин*, *дружки* "пара").

Лексический состав во многом обусловлен типом книги. Наиболее богатый и разнообразный материал содержат книги явчие, отпускные, книги разных сборов, в которых регистрировались товары, привезенные из разных мест. Именно в этих книгах находятся пространные перечни разнообразнейших товаров, причем, самыми насыщенными в этом смысле чаще являются явки товаров по московским выписям.

Определение или уточнение семантики слова – одна из важных задач исторической лексикологии, но при работе с письменными источниками нередко возникает проблема недостаточности контекста. Одной из особенностей таможенных материалов как источника для исторической лексикологии является определенное однообразие и ограниченность контекста: перечни, списки товаров.

Определению семантики слова может способствовать как непосредственное словесное окружение (микроконтекст – название товара с его характеристиками), так и весь текст (макроконтекст – весь список товаров или его часть, содержащая перечень однотипных товаров). Важной и отличительной чертой таможенных документов является то, что один и тот же макроконтекст (и, естественно, микроконтекст) может повторяться, варьируясь, в параллельных текстах, причем, в записях досмотров или отпусков содержатся, как правило, более подробные характеристики товара: *два тысячи ковшевъ – 2000 ковшеи деревянныхъ премизенныхъ, тритцатеры чюлки шерстяные – 30ры чюлки вязаные шерсти овечьей средней руки, три покала стекла бѣлого средних – три покала средних с кровлями бѣлого стекла*. Привлечение макроконтекста или нескольких параллельных или подобных микроконтекстов позволило определить семантику слов, не имеющих лексикографической фиксации (*митус* "женский головной убор", *волок*, *волочок* "сосуд" и др.) (см. [Малышева 1997: 130–131, 133]).

К особенностям контекста таможенных документов можно отнести и используемый писцами преимущественно в отношении названий торгово-счетных единиц прием глоссирования: *пятьдесят бунтъ пугвицъ мѣдныхъ разныхъ рукъ во всякомъ бунте по*

шести портищи, 10 картъ а на всякой картѣ по 3 дюжыны пугвицъ обшивных шелкомъ кафтанных, две тузины и девять паръ перчатокъ лаковых женскихъ росшивныхъ в тузинѣ по двенадцать паръ. Наличие глосс позволило установить точное метрологическое значение счетных единиц пуговиц (*карта* и *бунт*), словарями не зафиксированное (см. [Малышева 1997: 134–135]).

Главной особенностью таможенных материалов как лингвистического источника является зависимость их лексического состава от самой процедуры их создания. Каждая таможенная книга представляет собой совокупность записей – регистраций определенных таможенных операций, то есть совокупность таможенных статей. Анализ таможенной книги, содержащей явки товаров, предполагает обязательное рассмотрение такой проблемы, как *книга – выписи*. Если в книге регистрируются операции с товарами, привезенными из разных мест, то объектом самостоятельного наблюдения должна быть каждая отдельная статья. В том случае, когда запись в книге производилась по предъявленной выписи, книжная статья является в определенной степени копией данной выписи. Запись явки в книге одной таможни по выписи другой таможни – это фактически статья одной книги, перенесенная в другую.

Зависимость явчей таможенной статьи от выписи проявляется достаточно очевидно. Приведем, на наш взгляд, весьма показательный пример. В исследованных материалах часто встречается слово *поперечник* (*поперешник*). Словарями данное слово не документируется, глосса в одной из архангельских книг позволяет говорить о значении "пояс". Слово отмечено в книгах многих таможен, принадлежащих разным территориям, то есть все говорит о повсеместном распространении данного слова. Однако более внимательное изучение материала показало, что все употребления слова *поперечник* связаны только с московскими выписями (и именно в московских книгах это слово встречается наиболее часто). Следовательно, говорить о широком ареале данного слова нет никаких оснований.

Именно влиянием выписей объясняется появление в таможенных материалах слов, вошедших в русский язык значительно позже, например, слово *инжир*, получившее лексикографическую фиксацию лишь в середине XIX в., в болховской книге 1725 г. записано в явке по малороссийской выписи. Единичные примеры употребления слов *центнер*, *манерка* "походный небольшой плоский жестяной сосуд для воды", *вакса*, входивших в русский язык в первой половине XVIII столетия, отмечаются в записях по выписям портовых таможен.

Особенно тщательного источниковедческого анализа требуют ярмарочные книги. Лексическая картина, отразившаяся в них, не просто многообразна и ярка, но и сложна, поскольку в книгах ярмарок в большей степени могли проявиться речевые особенности разных территорий. Ярмарочные книги интересны не только как хранители огромного лексического пласта, но и как источники, свидетельствующие в определенной степени о путях проникновения слова в язык: значительная часть новых заимствований и новообразований, единично представленных в таможенных документах, отмечается преимущественно в книгах ярмарок: *палаш*, *шафран*, *эликсир*, *бутылка*, *путриница* "пудреница", *штычок*, *очешник* и др.

Таможенные материалы XVIII в. принадлежат к кругу источников, знакомых лингвистам лишь фрагментарно, и как всякий новый источник, они содержат слова и варианты, не внесенные в словарные картотеки и по этой причине не вошедшие в публикуемые словари или имеющие более раннюю фиксацию, чем это указывается в картотеках, словарях и исследованиях: *бардеус* "сорт вина", *бобрин* "шкура бобра", *бычина* "кожа быка", *варежный* (о чулках) "толстой вязки?", *воловишна* "кожа вола", *волчина* "шкура волка", *зубрение*, *кулак* "часть рыбы", *одинковый* "разрозненный", *полуверстный* "о мехе животного, не достигшего зрелого возраста", *шумиха* "ложка с отверстиями, шумовка" и др.; *щекалат* и *чекалат* "шоколад", *грызыт* "грезет", *брызент*, *абинковый* (от *аба*), *камель* и *камелия* "камлот"; *анчовис* – 1720 г., *больк*, *булык* – 1720, 1725 гг., *грезет* – 1746 г., *кофь* – 1719 г., *манерный* – 1736–1737 гг.,

*очешник* – 1725 г., *путриница* – 1725 г., *сутунка* – 1722 г. и др. (см.: [Биржакова 1972, Мальцева 1975]). Заметим, что ограниченное использование рукописных региональных памятников исключило из Картотеки Словаря русского языка XVIII в. целый ряд слов, представленных в Картотеке древнерусского словаря и продолжавших свое бытование в XVIII в.: *желобастый*, *застежный*, *кубастый*, *обушок* "сухая рыба тушка без головы и хвоста", *одинакий*, *турочка* "трубочка, катушка для ниток", *хрушкий* "крупный" и др.

Первая половина XVIII века – очень динамичный период в развитии русского языка, не последнюю роль в этом процессе играла торговля, и таможенные документы в силу своей специфики отражали активно идущий процесс заимствования слов, их адаптации, деривационные процессы, затрагивавшие как заимствованную, так и исконно русскую лексику.

Определенное место в источниковедческом исследовании должно занять использование исторических данных, сведений по культуре промыслам, торговле и др., то есть тем областям общественной жизни, которые проявляются в анализируемом памятнике. При исследовании таможенных материалов этот аспект анализа становится наиболее актуальным: направления торговых потоков и их регулирование, торговые связи городов, ограничение и запрещение торговли отдельными товарами, характер и особенности местных промыслов и др. – все это в той или иной степени обязательно обнаруживается в языке таможенных документов.

Лингвистическое исследование таможенных документов первой половины XVIII века позволяет с полной убедительностью говорить о значимости памятников данного типа для лексикологических изысканий. Однако специфика таможенных документов, представляющих определенный тип делопроизводства, характер их создания и ведения, особенности обслуживаемой ими социальной сферы ставят перед исследователем их лексического материала ряд проблем, решение которых невозможно без предварительной источниковедческой критики данного типа памятников.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. А. 1988 – Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI–XVII вв. // *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*. М., 1988
- Базилевич К. В. 1936 – К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. // *Проблемы источниковедения*. Сб. 2 // Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. XVIII. М., Л., 1936
- Биржакова Е. Э. 1972 – Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
- Борисова Е. Н. 1978 – Проблемы становления и развития словарного состава русского языка конца XVI–XVIII вв. Дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 1978
- Дерягин В. Я. 1976 – Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важные денежные отписки XVI–XVII вв.) // *Источники по истории русского языка*. М., 1976
- Иванов В. Ф. 1979 – Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1979.
- Котков С. И. 1972 – Таможенные книги Камер-коллегии – источники по истории русского языка // *Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова*. М., 1972.
- Макаров И. С. 1937 – Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой пол. XVII в. // *Исторические записки*. Т. I. М., 1937.
- Малышева И. А. 1997 – Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997
- Мальцева И. М. 1975 – Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975.
- Мерзон А. Ц. 1957 – Таможенные книги XVII века: Учебное пособие по источниковедению СССР. М., 1957.
- Мерзон А. Ц. 1958 – Устюжские таможенные книги XVII в. // *Проблемы источниковедения*. Вып. VI. М., 1958
- Митяев К. Г. 1948 – К вопросу о передаче содержания таможенных книг XVII в. (смоленские таможенные книги) // Труды Историко-архивного института. Т. IV. М., 1948
- Юхт А. И. 1990 – Торговые связи Астрахани с внутренним рынком (20-50-е годы XVIII в.) // *Исторические записки*. Т. 118. М., 1990